

349603

В. ЗАНАДВОРОВ

П Р О С Т О Р

МОЛОТОВГИЗ

1941

OK
2404

349603.

1955

В. ЗАНАДВОРОВ

8-1

3-27

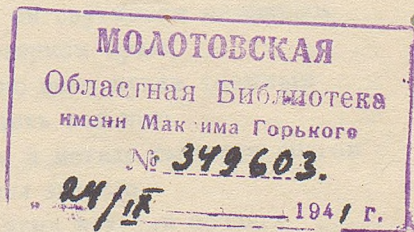
П Р О С Т О Р

...Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей.

А. Пушкин

1941

М

з. 85к.

О Г И З
МОЛотовСКОЕ ОБлаСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1941

3-27

743603.

2/1/42

2-822

КОМПАС

Как-то раз в тоске упорной
Прибирал я стол
И в углу свой компас горный
Средь бумаг нашел.
На хозяина в обиде
Был он, как чужой,
Но я сам, его увидя,
Молодел душой.
Был он спутником надежным
В северном краю,
Он по всем путям таежным
Юность вел мою.
Коль в метель сыпучим снегом
Тропы занесло,
Он меня к теплу почлега
Выводил без слов.
И мечту, простой прохожий,
Я тайл в себе:
Чтоб на компас быть похожим
Мне в своей судьбе.

Он всю жизнь прожил сурово,
Виды все видал...
...Может быть рука Седова
Грела твой металл?
Иль разбегом тропок горных,
Замаятью снегов,
Ты из ссылки непокорных
Вел большевиков?
Иль в Карелии бескрайней,
От пурги — слепой,
Непреклонный Антикайнен
Проходил с тобой?
Хоть в пыли, но чист и светел
Встал он предо мной —
Дней былых живой свидетель,
Проводник немой,
Друг надежный. Как бывало,
Он увел меня
К позабытым перевалам
Прожитого дня,
К зорям северной пустыни,
К звездам над тайгой,
Где теперь в палатке стынет
Паренек другой.
Плащ его покрыт, наверно,
Пылью всех дорог...
...Хоть бы ты, мой компас верный,
Мне в пути помог!
Как меня водил ты прежде
В северном краю,

Так теперь к вершинам снежным
Песню б вел мою,
Чтобы в ветреную стужу
К песне греться шли,
И она б томила душу,
Как огонь вдали;
Чтоб рождалась в людях сила
От беседы с ней,
Чтобы компасом служила
Песня для друзей!

ВРАЧ ИЗ ПОСЕЛКА БУРМАНТОВО

Я знаю, что некогда ей —
Врачу из поселка Бурмантово.
О, сколько томительных дней
Письма дожидаться обратного!

Что с нею? Сидит у огня
Иль правит в буране оленями?
И трудно ей вспомнить меня
За тысячу верст от селения.

Там ждет — не дождется врача
Охотник, в лесу покалеченный.
Там корчится в муках, крича,
На шкурах раскиданных женщина.

Там столько заботы вокруг —
В бревенчатой северной здравнице;
И паре ли маленьких рук
Со всеми заботами справиться?

А после обхода она
Глядит исподлобья, застенчиво,
Как ласково плещет волна
На стены больницы бревенчатой.

Но дальше хребты до луны,
Медвежьей тайги бездорожие,
Да рушатся с гор падуны
На камни, преданьем поросшие.

А там еженочно она
Встречает работой бессоницу.
За каждого сердцем больна,
Душою о каждом заботится.

А мне бы в палате ночной
С ней вместе возиться со шприцами,
С надеждой, с тревогой одной
Над койкой больного склониться бы.

И с ней проводить бы года
В брезенчатой северной здравнице,
Но девушка эта горда—
Ей помощь моя не понравится.

Я знаю, что некогда ей—
Врачу из поселка Бурмантово.
О, сколько томительных дней
Письма дожидаться обратного.

СВИТЕР

Наш дом в горах сугробами завьюжен,
Уютом грубым он проникнут весь.
Среди мужской одежды неуклюжей
Твой женский свитер приютился здесь.

Он тонко связан и в боках повытерт,
И в стужу мало толка от него,
Но в каждой ниточке, связавшей свитер,
Тепло хранится сердца твоего.

Я помню на вокзале, в час прощанья,
Ты взять его заставила меня,
Чтоб он в пустыне белого молчанья
Служил бы мне надежный, как броня.

Здесь у меня есть малица от стужи
И от бурана — длиннополый «гусь»,
А свитер слишком тонок... И к тому же
Носить его я просто не решусь.

А в зиму не приходит по полгода
К нам ни газет, ни писем от родни,
Мы с марта поджидаем ледохода,
В календаре зачеркивая дни.

Хоть мы тоску скрываем друг от друга,
Но миг придет и, кажется, она
Тебя сметет, как мартовская вьюга,
И сердце разом высушит до дна.

Тогда я свитр поглажу еле-еле,
Ладонью жесткой прикоснусь к нему,
И сразу станет на сердце теплее,
Но отчего теплее,— не пойму...

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Когда в ледяшки превратятся ноги,
А путь лежит в Крестовую губу,
Ты будешь счастлив — посреди дороги
Наткнувшись на охотничью избу.

Я дверь открыл. Здесь было все, что нужно
Для путника, озябшего в ночи:
Дрова, дымясь, потрескивали дружно
И громко пел кофейник на печи.

Но для того, кто двое страшных суток
Плутал по тундре, не смыкая глаз,
Милей огня и добрых самокруток
На низких нарах брошенный матрац.

Я слышал сквозь дремоту, как мужчина
Растер мне ноги и раздел меня,
Закутал по-домашнему овчиной
И в горло вылил два глотка огня...

А утром только узкий след от нарты
Бежал на юг пустынной белизной
Да наспех нарисованная карта
Среди мешков лежала предо мной.

Начерченную углем на газетѣ
Ту карту до сих пор я берегу,
Но кто навел хребты и горы эти,
По ней никак узнать я не могу.

Я не запомнил ни его походки,
Ни голоса, ни взгляда, ни лица,
Не знаю — то ль мы были одноклассники,
Иль старше был он моего отца.

Но год за годом кажется все чаще,
Что я встречаюсь постоянно с ним
В поселках, поездах, таежных чащах,
И каждый раз под именем другим.

ХАТАНЗЕЙ

Сколько лет бы я еще ни прожил
Средь моих отзывчивых друзей,
Мне простой охотник всех дороже
С именем нерусским — Хатанзей.

Не забыть мне легкую походку,
Каждого поступка прямоту
И его испытанную лодку
С трещиной от камня на борту.

То не он ли мчался по порогам
Сквозь огонь и дым пороховой,
Чтоб коней седлали на отрогах
Партизаны полночью глухой?

Горы за четыре километра
Сами проступали через тьму.
От любви иль, может быть, от ветра
Сосны в пояс кланялись ему.

Если он за темными гольцами
Подносил к губам призывный рог,
Шли к нему олени с бубенцами,
Пестуны вставляли у берлог.

Обожженный порохом и дымом,
Опаленный солнцем и пургой,
Девушкам казался молодым он,
Был невестам самый дорогой.

Всем, что в сердце мужественном жило,
Он любил родимые края,
А не с ним ли рядом проходила
Молодость суровая моя?

Сколько раз мы ночью на привале
Коротали время до утра,
Сколько раз друг друга согревали
Дружбой у потухшего костра.

На хребты, в туманные долины
Вел меня мой верный проводник,
Чтобы я в сокрытые глубины
Сердцем замирающим проник.

И ко мне черемухи тянули
Ветви, тяжелевшие в цвету,
Птичьи стаи в сумраке тонули,
Песням обучали на лету.

Было все понятно и подвластно, —
Смерть озер и зарождение рек.
Оживает в памяти прекрасный
Тот простой, спокойный человек,

Что в горах, с поломанной берданкой,
Защищал таежные края,
Что встает над каждою стоянкой
Как живая молодость моя.

Годы те кострами отпылали,
Но следов золой не замести.
И друзья другие протоптали
Зимники по нашему пути.

Потому-то, сколько б я ни прожил
Средь моих бесчисленных друзей,
Мне простой охотник всех дороже
С именем нерусским — Хатанзей.

ПЕСНЯ ЗИМОВЩИКОВ

Нашу дружбу закаляли
Ветры северных морей,
Мы свои сердца сверяли
С сердцем родины своей.

Вспомни, как с тобой делили
Все невзгоды пополам,
Как с тобою проходили
По нехоженным снегам.

Сквозь метели, сквозь бураны,
Вместе мы с Большой земли
В неизведанные страны
Дружбу верную несли.

Нас улыбками встречали
Люди северных морей,
Мы свои сердца сверяли
С сердцем родины своей.

Поджидая молча вести,
Может в этот самый час
Наши милые невесты
Тихо думают о нас.

Перед новыми боями
Не печалься, не грусти,
Вновь ложатся перед нами
Версты снежного пути.

Разве сердце остановишь,
Постареешь до поры,
Если снова у становищ
Загораются костры!

Звезды светят, не сгорая,
Но кремлевские — видней.
Мы свои сердца сверяем
С сердцем родины своей.

ВРЕМЕННЫЙ БАРАК

349603.
Я бываю рад, как другу,
Увидав сквозь полумрак,
Сшитый на скорую руку
Старый временный барак.

Все бывшее вмиг единый
Оживает предо мной:
Грубый стол и посредине
Смятый чайник жестяной,

Стены голые в палатках,
Печь железная без дров
И каморка для женатых
С занавеской из мешков.

А чтоб воздух был почище,
В окнах рамы без стекла.
В этом временном жилище
Наша юность протекла.

Жили голодно, но дружно.
Были веселы в беде.
Так смеяться простодушно
Не случилось мне нигде.

Библиотека
Министерства
Внутренних
Дел
№ 194

Мы не спали много суток
В гуле штурмов и атак,
Наша пальцы самокруток
Не могли скрутить никак.

И задремывая прежде,
Чем к бараку подойдем,
Мы валились в спеходежде
На один топчан вдвоем.

В том же временном бараке
При мерцающем огне
Мы учились, в полумраке
Множа цифры на стене.

Разве вспомнишь, как бежали
Дни, что света полоса,
Как сердца у нас мужали
И ломались голоса?

После с песнями сносили
Нашей юности жилье
И в дома переносили
Все имущество свое.

Но теперь барак лишь встретишь,
Только ступишь на крыльцо,
Словно молодости ветер
Обожжет мое лицо.

Пусть же новым поколениям
Он останется, как след
Тех, достойных изумленья,
Опаленных бурей лет!

РУДОЗНАТЕЦ

I

Бежит по деревьям смолистая затьсь,
Как след горноста, теряясь в тайге.
По этому следу прошел рудознавец
С лозой двухаршинной в привычной руке.

Его караулила черная гарь,
Медвежья чащоба да камень-дикарь.
Он ямы выкапывал, где невзначай,
Пропитанный рудами, цвел «иван-чай»¹

Он реки запруживал, скалы дробил,
Студеную воду пригоршнями пил.
Под войлочной шляпой скрывал седину,
Он в бога не верил, но знал сатану.

В дремучих урманах теряется затьсь —
Безмолвный свидетель проигранных битв,
Но дымом прокуренный шел рудознавец,
Последние унты о камни разбив.

¹ Старинное поверье: где цветет «иван-чай», там надо искать железную руду.

А там за снегами гольцов одиноких,
За дымом костров, отгоревших в пути,
Свирепствует бурей без меры и срока
Та жизнь, от которой ему не уйти.

Но кто ему полной ценою заплатит
За то, что ушли сыновья на разбой,
За то, что, сгнивая в сыром каземате,
Надежный товарищ покончил с собой?

Как тихая память, шагают олени,
В болотах рябины сжигает зима.
И молятся люди, упав на колени,—
Лишь только в тайге не сойти бы с ума.

Но дальше по дебрям, по горным породам,
По рекам текущим, в немая траве
Вогулы лежат за крутым поворотом,
И стрелы лежат на тугой тетиве.

На темные камни здесь рухнули рядом
Хромой каторжанин и вольный казак.
Последним друзьям по старинным обрядам
Он медью закрыл неживые глаза.

Вперед. По тайге. По ущельям. Он верил,
Что правды великой придет торжество,
Он знал, что ни птицы, ни хищные звери
В неведомых дебрях не тронут его.

Он шел одинокий. Падучие звезды
Сгорали дотла на рассветном ветру,
Столетние сосны на многие версты
По струнке тянулись, как полк на смотре.

Все кончено. Воды, зацветшие в ямах,
Колочим репъём прорастают следы.
Ты вновь оживаешь в преданьях упрямых,
Прошедший сквозь ночь и раздолье беды.

Но между карьеров теряется затесь,
Как стражник ночной, охраняя руду,
Под камнем заросшим лежит рудознатец,
Усопший навек в неизвестном году.

II

Ты мне ответь, мой нелюдимый предок,
Каков конец и где твоя судьба?
Дубовый гроб. И, может, напоследок
Прощальная трехкратная пальба?

Иль ты погиб, угрюмый рудознатец,
И высохла бесславная лоза?
Лишь в самом сердце памятную затесь
Еще хранят гудящие леса.

...В седом расцвете пепелен и розов
На горном склоне сонный водоем,
Среди камней, среди крутых утесов,
Поросший чернобыльником подъем.

Уже скрипят избитые полозья,
Уже гудит железная гора,
Уже бегут испуганные лоси,
И птицы улетают от костра.

Уже и днем, и вечером, и ночью
Клеймённые преступники бредут,
По проклятым болотам тропы тончут,
В горах возводят временный редут.

Их гонят по тропинкам рудознатца,
Чтобы костями выстелить тайгу,
И где они погибнут, не дознаться,
Не выпытать ни другу, ни врагу.

А на заре свободных коней ржанье
Доносится до них издалека,
И скованные цепью каторжане
Сквозь зубы проклиная старика.

А он для них берег мечту, как порох,
Для них по диким тропам проходил,
По звездам шел в неведомых просторах,
Товарищей отважных хоронил.

Старик, ссутулившись, обходит молча
Ушедшие под землю рудники,
Где стоном-стонет каменная толща
Под тяжкими ударами кирки.

У рудокопа вырванные ноздри,
На бритом лбу каленое клеймо;
То время черное погоней грозной
Его, как ночь, преследует само.

Но все-равно не скрыться от погони,
Уйти от века права не дано.
И тропы, и подкованные кони,
И руды не помогут все-равно.

От совести хотя бы откупиться,
Забыть о всем, что он хранит в себе.
Пощады нет. Он — медленный убийца
Своих друзей и братьев по судьбе.

И не за толь, что пережил и прожил,
Был у безумных замыслов в плену,
Он с хохотом бросался на прохожих
И по-собачьи лаял на луну?

В каком безумьи диком умирал он,
Какие волны бились в берега,
О ком в тот миг шумела за Уралом
Бескрайная жестокая тайга?

ПРЕДАНЬЕ ОБ ОРЛЕ И КЕДРЕ

Ты иди по берегу крутому,
У стремнины к северу сверни,
Молча проберись по бурелому,
Водопады слева обогни.

С каждым шагом поднимайся выше,
Коль не можешь, проберись ползком,
Лезь туда, где горным солнцем дышит
Вся земля в просторе голубом.

Ты взберись наверх ценой любовью,
Встань на диком каменном валу
И тогда увидишь пред собою
В небо уходящую скалу.

Ты пред ней застынешь удивленный:
Всюду камень — больше ничего,
Лишь справляет кедр уединенный
Над природой скудной торжество.

Но какими сильными крылами
Семя в поднебесье занесло?
Как на голом камне, под ветрами,
Царственное дерево взросло?

Ты вопросами себя не мучай,
Хоть всю жизнь гадай — не разгадать,
Ты спускайся по тропе барсучьей,
Если хочешь истину узнать.

И тебя из темного тумана
На поляну выведет родник,
Выйдет из лесного балагана
Моложавой поступью старик.

Ты сними фуражку для приличья,
С уваженьем поклонись ему
И тебя попотчует он дичью,
Прокопченной в медленном дыму.

А когда к ручью пройдут олени
И в горах, обрисовав края,
Вдруг заря займется в отдаленьи,
Ты промолви тихо: «Расскажи»...

Ты застынешь, трудное дыханье
В сердце невесомом затая,
Пред тобой возникнет, как преданье,
В громе пушек родина твоя.

Ты увидишь: молча окружили
Командира, павшего в бою,
Те бойцы, что головы сложили
За судьбу свободную твою.

Он лежит в простреленной шинели,
Но судьба погибшего светла...
Он в походах долгие недели
Не слезал с казачьего седла.

Но и вдосталь нахлебавшись горя,
Видел он, когда уснет в седле,
Как цветет от моря и до моря
Горидцветом радость на земле.

Он скакал по травам придорожным,
Пробивался ночью без дорог,
В дорогие кованые ножны
Лишь со славой вкладывал клинок.

И живые, пальцы сжав до хруста,
Перед мертвым поклялись без слов
На клинках каменных Златоуста,
На штыках невьянских мастеров.

В ту же ночь товарищи решили,
Что в гнезде орлином спать орлу.
Командира молча положили
С именным оружием на скалу.

Лишь коснулся он отвесной кручи,
Как из самых заповедных недр
Поднялся высокий и могучий,
В бурях неsgiбающийся кедр.

С каждым днем смелей и непокорней
В гулком сердце мощного ствола,
В капельках смолы и в крепком корне
Пела кровь погибшего орла.

Где орел, сквозь пламя пролетая,
Обронил хоть перышко с крыла,
Там трава высокая, густая
На песке сыпучем зацвела.

Где на камень острый и жестокий,
Крылья смяв, он рушился в ночи,
Как земли живительные соки
Из-под камня выбились ключи.

Это все старик тебе расскажет,
А в конце услышишь от него,
Что в лесу живет он, как на страже,
У могилы сына своего.

Ты услышишь, как река большая,
Как орлиный клекот на скале
Кедр гудит ветвями, заглушая
Все другие шумы на земле.

А в низинах спят еще дубравы,
В сумраке безмолвие храня,
Лишь один стоит он, величавый,
В языках рассветного огня.

Ш Л Е М

В той тихой комнате, где мать
Проводит много дней,
Стоит железная кровать
И шлем висит над ней.

Висит он с выцветшей звездой,
Чуть разошелся в швах,
Он материнскою рукой
Заштопан в двух местах.

Немало лет, за годом год
Он бережно храним,
Она и пыль с него смахнет
И загрустит над ним.

И встанут в памяти те дни,
Тот легендарный год,
Когда походные огни
Пылали у ворот.

На срок пожизненный был дан
В то время шлем отцу.
Потомку беглых каторжан
Пришелся шлем к лицу.

Он вскоре выцвел на ветру,
До нитки пропотел.
Отец из шлема пил в жару
И шлемом уши грел.

Отец за озером Ит-Куль
Закончил трудный путь —
Пробила шлем одна из пуль,
Вошла другая в грудь.

А мать с любовью и с тоской
В те дни ласкала нас,
И шлем дрожащею рукой
Чинила первый раз.

Мы по нему прочли стократ
Преданья браних дел.
Настало время — старший брат
Отцовский шлем надел.

Он честь отца хранить везде,
Прощаясь, клятву дал...
На Заозерной высоте
Он смертью храбрых пал.

Его друзья, где он лежал,
Пробитый шлем нашли.
В сведенных смертью пальцах сжал
Он горсть родной земли.

И снится матери во сне,
Что с нею сын опять,
Но шлем, висящий на стене,
Сама зашила мать.

Она к нему в течение дня
Подходит много раз,
Потом, задумавшись, с меня
Не сводит долго глаз.

О, мать родная! Ведь и мне,
Как брату и отцу,
Не раз испытанный в войне,
Придется шлем к лицу.

И потому, что мне всегда
Простор отчизны мил,
Не опозорю никогда
Я славу двух могил.

А коль со знаменем в руках
Меня убьют враги,
Ты шлем, зашитый в трех местах,
Для внуков сбереги.

Ш И Т

Мы щит нашли на поле Куликовом
Среди травы, в песке заросших ям.
Он медью почерневшей был окован
И саблями изрублен по краям.

Безвестный ратник здесь расстался с жизнью,
Подмят в бою татарским скакуном,
Но все же грудь истерзанной отчизны
Прикрыл он верным дедовским щитом.

И перед ним в молчании глубоком
Мы опустили шапки до земли,
Как будто к отдаленнейшим истокам
Могучего потока подошли.

...Что станет думать дальний наш потомок
И чем его наполнится душа,
Когда штыка трехгранного обломок
Отыщет он в курганах Сиваша?

РУЧЕЙ

Ты видел, как в горах весной
Родился слабенький ручей?
Как соки силы неземной
Он пьет из солнечных лучей?

Пусть он еще во тьме ночной
На камне дремлет, не дыша,
И спит под коркой ледяной
Его певучая душа.

Но ледяные кандалы
Растопит солнце на заре
И вновь низвергнет со скалы
Он гром в летучем серебре.

Он пеной плещет со скалы,
Несется в брызгах между гор,
Он вырывается из мглы
На светом залитый простор.

В ущельи сумрачном кражи
Снося и воздвигая вновь,
Несет с заоблачных вершин
Он долам солнечным любовь.

Но и вдали от снежных гор
Он дышит снежной высотой,
Бежит ветрам наперекор,
Играет ночью со звездой.

Его метель не заметет,
Палящий не осушит зной.
Рекой безбрежною течет
Ручей, взлелеянный весной.

ДВА ЛИСТКА

Склонясь на ветке, в душном зное
Томился маленький листок
И тень, как кружево сквозное,
Дрожа, ложилась на песок.

Покрытый тонких жилок сетью,
Он всеми порами дышал
И, как ребенок, на рассвете
Слегка от холода дрожал.

За то, что птица, пролетая,
Помяла краешек листка,
Мне красота его простая
Была особенно близка.

В траве, оторванный от ветки,
Сверкал на солнце мертвый лист,
Хоть в пламя для его расцветки
Природа обмакнула кисть.

Но был он только прахом жалким
Под яркой внешностью своей,
Придет садовник и на свалке
Он ляжет пищей для червей.

Чей взгляд привлечь хоть на мгновенье
Сусальным золотом он мог?
...Над ним дрожал от дуновенья
Зеленый маленький листок.

Ч Е Р В Я К

В пример для сорванцов был избран мальчик
Послушный старшим, тихий, как вода.
Такой ни разу не порежет пальчик,
Штанишек не порвет он никогда.

Я помню: он от смеха чуть не плачет,
Когда устроит шалость целый класс,
Потом на тех, кто эту шалость начал,
Покажет он одним движеньем глаз.

И так же в жизнь влезал он тихой сапой,
На лучших чувствах ставил жирный крест,
Присасывался спрутом восьмипалым,
Добравшись, наконец, до теплых мест.

Он делал все, чтоб в трестах отсидеться,
Как будто в крепкой башне крепостной.
Конечно, он страдал пороком сердца,
Не мог оставить матери больной.

Он справки доставал. А в это время
Работали, неистовствуя, мы —
Цыготный чай глотали в Ванкареме,
Давили вшей в палатках Колымы.

Среди пустынь, ведя каналов русла,
Мы спин не разгибали много лет,
А на ладонях наших закорюзлых
Ладони потной оставлял он след.

В своей душе скрывая озлобленье,
Сгибался перед нами запятой,
Чтоб в ту же ночь состряпать заявленье
И щедро одобрить гнусной клеветой.

Но завтра снова тусклыми глазами
Смотря на жизнь, что бьет ключом вокруг,
Он, тихонький, садится рядом с нами,
Как будто нам товарищ или друг.

Не знает он, — в грядущий мир весенний
За нами вслед проникнуть норовя,
Что мы его раздавим с омерзеньем,
Как под ногой ползущего червя.

...Стремясь найти его отображенье,
Напишут с гневом правнуки мои:
Кругляшки глаз, лишенных выраженья,
И хищный клюв на тулове змеи!

* * *

Я б хотел, как месяц ранний,
Веки сном твои смежить,
Слушать легкое дыханье,
Все движенья сторожить.

Я б хотел звездой рассветной
Заплутаться в волосах
И улыбкой незаметной
Отразиться в светлых снах.

И по дремлющим ресницам
Пробежать бы ветерком,
На заре тебе присниться
И сказать бы шопотком,
Как я путником усталым
На твоей стоял тропе,
Как ручьем журчал по скалам,
Думу думал о тебе.

Чтобы ты, открыв ресницы,
Поняла душой своей —
Сколько нежности таится
За суровостью моей.

ПОХОДНЫЙ РЮКЗАК

Над моею кроватью
 все годы висит неизменно
Побуревший на солнце,
 потертый походный рюкзак.
В нем хранятся консервы,
 одежды запасная смена,
В боковом отделении —
 завернутый в кальку табак.
Может завтрашней ночью
 прибудет приказ управления
И, с тобой не простившись,
 рюкзак я поспешно сниму...
От ночлега к ночлегу
 лишь только дорога оленья
Да в мерцании сполохов
 берег, бегущий во тьму.
Мы извели в жизни
 так много бессрочных прощаний,
Что умеем разлуку
 с улыбкой спокойной встречать,
Но ни разу тебе
 не писал я своих завещаний
Да, по совести,
 что я сумел бы тебе завещать?

Разве только, чтоб рукопись
бережно спрятала в ящик
И прикрыла газетой
неоконченный лист чертежа
Да, меня вспоминая,
склонялась над мальчиком спящим,
И отцом бы, и матерью
сразу для сына служа.
Но я знаю тебя, —
ты и рукопись бережно спрячешь,
От людей посторонних
прикроешь ревниво чертеж,
И, письма дожидаясь,
украдкой над сыном поплачешь,
Раз по десять, босая,
ты за ночь к нему подойдешь.
В непрерывных походах
нам легче шагать под метелью,
Коль на горных вершинах
огни путевые видны.
А рюкзак для того
и висит у меня над постелью,
Чтобы сын в свое время
убрал бы его со стены.

ДВИЖЕНИЕ

Когда предел наметит старость
Моим дерзаньям и годам,
Все, что неслепленным осталось,
Я в руки сына передам.

И он, смеясь, пройдет по следу,
Что я за годы протоптал,
Он там отпразднует победу,
Где я, израненный, упал.

Дарует замыслам он крылья,
Ко мне являвшимся в ночи,
К замкам, которых не открыл я,
В огне он выкует ключи.

Но как-нибудь в дороге дальней
Он сердцем дрогнувшим поймет,
Зачем стоял у наковальни
Я дни и ночи напролет.

Оценит с нежностью сыновьей
Мои дела и потому
Узнает он какой любовью
Пылал я к сыну своему.

Он все пути пройдет со славой,
Полдневной радостью богат,
Какою песней величавой
Он встретит собственный закат?

Но как извечно все в движении
И как ложится пласт на пласт,
Дела свои для завершения
Он в руки сына передаст,

Р А Б О Т А

В рубашке ль, промокшей от пота,
В ознобе ль над рифмой скупой,
Горячая дружба, работа,
Меня породнила с тобой.

Ты с первого шага учила,
Ходила за мной по пятам,
Ты мощные крылья вручила
Для взлетов орлиных мечтам.

А если дорогу скрывала
Бездонная мгла впереди,
Ты рядом со мною вставала,
Ты мне говорила: «Иди!»

Ты пламя вдохнула мне в душу,
Сроднила с могучей судьбой,
Ну как же предам иль нарушу
Я кровную дружбу с тобой?

В часы размышлений, не скрою,
Я думаю часто о том,
Была ль ты любимой сестрою
Иль просто моим двойником?

Работа! Я все помышленья,
Полдневную силу мою,
Полночный огонь вдохновенья
До капли тебе отдаю!

Ж А Ж Д А

Среди песков нам третий вечер
Сводило судорогой рты,
И третий день меха овечьи
На солнце сохли без воды.

Мы губы черные от жажды
Не в силах были приоткрыть,
А в душном зное с часом каждым
У лошадей стихала прить.

Уже и сердце забывало
Стучать о выжженную грудь,
Какая сила диктовала
Нам этот мужественный путь!

Но в этот миг в седле высоком
Привставши из последних сил,
Наш проводник трахомным оком
За взлетом беркута следил.

А там, за дымкою, лежали
В дремоте низкие холмы,—
И наши кони задрожали,
И в седлах вытянулись мы.

И как певучий голос девы,
Среди палящей тишины
Ручья прохладные напевы
Нам были явственно слышны.

Как безраздельно полюбили
Мы детский строй его речей,
Мы только пили, пили, пили,
Боясь, что высохнет ручей.

А он в песке лишь разливался,
На солнце только студенел,
Но чем я больше напивался,
Тем все сильнее пить хотел.

Потом арыками покрыли
Мы эти мертвые бугры,
Мы ночью скважины бурили,
А днем сдыхали от жары.

Остались трое в пекле ада,
Под солнцем коротая дни;
Мы схоронили их, как надо,
В шурфах, что вырыли они.

Но мощной жаждой ожидания
Прониклось наше бытие,
А жалкой смерти притязанья
Лишь служат почвой для нее!

С тех пор, как верная подруга,
Мне жажда спутницей была,
Меня кружила, словно выюга,
По тропкам севера вела.

Она со мной одежду шила,
Под лыжи подбивала мех,
И с кем она сильней дружила,
Те проходили дальше всех.

И сразу же в седом просторе,
Теряясь точкой, сквозь пургу,
Спешили в тишь аудиторий,
Собак меняя на ходу.

Еще в снегах костры дымились,
А мы в смешных мешках своих
За парты низкие садились
И трудно горбились на них.

Мы спотыкались, шли наощупь,
Блуждали в книгах, как в тайге,
И лампы жгли глубокой ночью,
И спали, сжав тетрадь в руке.

Пред нами, как с вершины птичьей
Все видно, чтоб ни оглядел,
Открылся мир во всем величьи
Еще незавершенных дел.

Он звал нас, ясный и влекущий,
Он был податлив, как руда,
Расцвет предчувствуя грядущий
В дыхании нашего труда.

И жажда снова нас бросала
В водоворот его крутой,
Пока что, властная, не стала
И нашей жизнью, и судьбой.

И мне тот день других дорожѣ,
Что завтра должен наступить,
Но с каждым днем, чем дольше прожил,
Тем все сильней хочу я жить!

349603.

МС.	И
Области - Рязанская	
имени А. С. Горького	
№	
1977	Г.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

Компас	3
Врач из поселка Бурмантово	6
Свитер	8
В охотничьей избушке	10
Хатанзей	12
Песня зимовщиков	15
Временный барак	17
Рудознатец	19
Преданье об орле и кедре	24
Шлем	28
Щит	31
Ручей	32
Два листка	34
Червяк	35
Я б хотел	37
Походный рюкзак	38
Движение	40
Работа	42
Жажда	43

В. З а н а д в о р о в. Простор. Молотовское
Областное Издательство 1941 г. Изд. № 23.

Редактор А. Н. Спешиллов.

Технический редактор Н. П. Ермаков.

Корректор А. Г. Пепеляева.

Сдано в набор 1/II 1941 г. Подписано к пе-
нати 11/III 1941 г. Формат $70 \times 92/32$. Объем:
 $5/8$ бум. л., 1,25 печатн. л., 1,16 авт. л., 1,25
уч.-изд. л. Тир. 3000 экз. Бумага Красно-
вишерского бумкомбината. ЛБ 18317.

Цена книги в переплете 85 коп.

Свердловская типография Огиза РСФСР
треста „Полиграфкнига“. Свердловск, Бан-
ковский пер., 3. Заказ № 338

85 коп.